

БОГИНЯ УТРЕННЕЙ ЗАРИ

ЛЕОНИД АМИРХАНОВ

Почему-то долгие годы этот красавец-крейсер — гордость морской столицы России — воспринимался лишь в связи с событиями, которые советские историки называли Великой Октябрьской социалистической революцией.

Крейсер «Аврора» и легкий крейсер «Профинтерн» (бывш. крейсер «Светлана») в германском порту Свинемюнде. Август 1929 г.

Боевые повреждения носовой части, полученные крейсером «Аврора» в Цусимском сражении (на с. 138–139)

Штурма Зимнего, как нам теперь доказывают, вообще не было. «Аврора» стреляла холостым, да и стояла в тот момент совсем не там, где сегодня установлена памятная стена на Английской набережной, которой все-таки более пристало другое, действительно историческое название — Галерная. И хотя именно причастность к Октябрьскому перевороту спасла крейсер от переплавки «на иголки», обидно, что истинная ценность боевого корабля, уникального памятника русского военного кораблестроения оказалась в тени. Даже сегодня многие негативно настроенные граждане заявляют, что «Аврора» не настоящая, что это всего лишь муляж. Попробуем разобраться...

Итак, 115 лет назад, в 1897 году в «Новом Адмиралтействе» (ныне «Адмиралтейские верфи») был заложен корабль — крейсер I

ранга. Он получил красивое имя «Аврора» — в честь фрегата, участвовавшего в обороне Петропавловска в 1854 году, во время войны, которую у нас называют Крымской, а на западе — Восточной.

Конец XIX века в российском кораблестроении — это период очередного поиска ответа на очередной вопрос: какой флот нужен России? Ответа на этот вопрос, кстати, нет до сих пор. Крейсер «Аврора» представлял собой удачную попытку создать корабль-разведчик, обладающий высокой скоростью и значительной дальностью плавания. Примечательно, что одновременно с «Авророй» строились еще два таких же крейсера: «Диана» и «Паллада», но именно «Аврора» стала «флагманом революции».

Корабли в то время строили небыстро. «Аврора» была зачислена в списки флота в 1903 году, и практически сразу началась ее подготовка к переходу на Дальний Восток для усиления Тихоокеанской эскадры. Однако

Капитан I ранга Е.Р.Егорьев, погибший в Цусимском сражении

Мичман «Авроры» Л.А.Поленов в новой форме, утвержденной Временным правительством. Июль 1917 г.

крейсер успел дойти только до Суэца — при проходе через Суэцкий канал пришло известие о начале войны с Японией. В Джибути в тот момент собралось несколько русских боевых кораблей, которые следовало бы сразу же отправить дальше на восток. Однако, вопреки логике, пришлось возвращаться в Россию, чтобы затем отправиться в поход на... Дальний Восток.

Именно этот, не имеющий аналогов поход 2-й эскадры Тихого океана и стал главным испытанием, выпавшим на долю всех его участников, в том числе и крейсера «Аврора» и его экипажа. Поход начался в Либаве (Лиеняя) 2 (15) октября 1904 года, а для большинства кораблей закончился 14–15 (27–28) мая 1905 года на дне Корейского пролива. «Авроре» повезло: благодаря превосходству в скорости хода крейсеру удалось уйти на Филиппины, в Манилу.

Семь месяцев в стальных коробках, каша, еда, разумеется, не из «Астории», жесточайшая дисциплина и непрерывные, выматывающие погрузки угля. Поход 2-й эскадры Тихого океана и Цусимское сражение, в котором из 38 русских кораблей и судов погибло 21, в плен попали семь, описаны подробнейшим образом в десятках научных, не очень научных и совсем не научных трудов. При этом почти всем авторам этих трудов присуща изрядная доля мазохизма в изображении картин разгрома русского флота.

Мы остановимся лишь на тех эпизодах,

которые связаны с нашим героем. Эскадре предстояло обогнуть Европу, Африку, пройти Индийским океаном и добраться до Порт-Артура. В Северном море, недалеко от берегов Англии, произошел так называемый Гулльский инцидент. Сигнальщикам на нескольких кораблях показалось, что эскадру атакуют неприятельские миноносцы (в ночной мгле маячили силуэты каких-то кораблей). Был открыт беспорядочный артиллерийский огонь, но очень быстро в свете прожекторов обнаружили рыбацкие лодки. А силуэтами оказались свои же крейсера: «Аврора» и «Дмитрий Донской». Несколько снарядов попало и в них. Именно «Авроре» досталось хоронить первого человека на эскадре. Им оказался корабельный священник, погибший от русского снаряда.

Некоторые из офицеров оставили интереснейшие воспоминания о тех событиях. Один из них — корабельный врач «Авроры» В.С.Кравченко, сначала служивший на крейсере «Изумруд».

«26 января. Перешли экватор. На этот раз изменили морским традициям и не устроили шутильной церемонии — маскарадного шествия в честь Нептуна, кончающегося поголовным купанием всех, впервые переходящих экватор. Не отместил бы нам за это Нептун!». Так ведь отомстил...

Это написано еще на «Изумруде», а вот уже «Аврора»:

«13 февраля. Вот уже второй день я произ-

вожу медицинский осмотр. Что здесь за молодцы! Здоровые, стройные, так весело и бодро подходят, дают бойкие ответы. Заглянул в камбуз, в баню. Хорошо кормят, часто моют, умело, строго, разумное обращение так во всем и сказывается. Зато и в работе аврорская команда, говорят, первая на эскадре и пресамолюбивая — никому уступить не хочет.

<...> Сегодня впервые слышал наш оркестр, содержащийся на средства офицеров, очень недурен. По-моему, это не роскошь, а необходимая вещь на больших судах, где команда иногда до тысячи человек. Музыка чрезвычайно благотворно влияет на настроение, меняет его, вызывает особый подъем. На «Авроре» даже авральные судовые работы исполняются под звуки оркестра; играет быстрый веселый «янки дудль», и в это время буквально вихрем взлетают на воздух тяжелые барказы, полубарказы, катера. Лихо работает команда! Под звуки своего аврорского марша аврорцы ползут куда угодно. Как жаль, что во время боя оркестр не может играть. Впро-

Праздник Нептуна на «Авроре». 1911 г.

Измерение глубин ручным лотом. 1930-е гг.

чем, за ревом орудий его все равно и не услышишь. Все-таки инструменты наши решено нарочно во время боя не прятать в безопасное место — почем знать, быть может, ко дну будем идти с развевающимися флагами под звуки гимна.

<...> 5 марта. Не захотел идти на войну один из молодых крокодилов, которого офицеры выпустили сегодня на ют для забавы. Он предпочел выскочить за борт и погибнуть в океане».

Не только В.С.Кравченко, но и многие другие офицеры считали поход 2-й эскадры ошибкой, следствием которой будет гибель флота. Встреча русских и японских кораблей произошла в Корейском проливе вблизи острова Цусима (точнее, это два острова, имеющие общее название). Сражение началось

днем 14 мая и окончилось 15-го ночью полным поражением русской эскадры, несмотря на самоотверженность и подлинный героизм русских матросов и офицеров.

«Аврора» участвовала в сражении в составе отряда крейсеров. Обратимся снова к воспоминаниям В.С.Кравченко: «В самом начале второго крейсерского боя несколько крупных снарядов, разорвавшихся при падении в воду у правого борта, осколками изрешетили помещения правого перевязочного пункта. Минуты за две перед тем пункт был перенесен на левый борт, и уходившие последними несколько человек... были спасены благодаря колючей защите из двойного ряда коек».

Наиболее тяжелый момент для «Авроры» наступил, когда наши крейсера, сблизившись с неприятелем на 24 кабельтова (около 3,4 ки-

лометра. — Л.А.), попали под перекрестный огонь. Больше всего пострадал правый борт, но и левому досталось тоже. Первый же японский снаряд, попавший в правый борт, вывел из строя элеватор подачи снарядов и паровой катер. Следующий, 75-миллиметровый снаряд пробил правый борт и, не разорвавшись, упал у орудия номер семь в батарейной палубе, откуда был немедленно выброшен за борт комендором А.Н.Кривоносовым.

Почти тотчас же рядом разорвался более крупный восьмидюймовый фугасный снаряд, нанеся много бед. Удар, пришедший как раз в стык верхней палубы, заставил содрогнуться весь крейсер: замолкли орудия №21 и №7. В борту зияла пробоина в двадцать квадратных футов (около 1,8 кв. м. — Л.А.). У орудия №21 тяжело ранило четверых (одного смертельно). Подбежавшие носильщики подхватили мичмана Яковлева, обливавшегося кровью, и понесли на перевязочный пункт. Юный мичман, когда его пронесли по палубам мимо орудий, повторял: «Братцы, цельтесь хорошенько». У бакового (носового) орудия энергично руководил стрельбой лейтенант Дорн. Когда шестидюймовый фугасный снаряд разорвался у правого сходного трапа на полубак, последний весь окутался черным, нестерпимо удушливым дымом. Лейтенант Дорн, один устоявший на ногах, схватился за грудь: ему казалось, что еще минута, и он задохнется. Но дым отнесло.

Вся прислуга орудия была разбросана и жалобно стонала (один был ранен смертельно, два тяжело). Ранены были все, за исключением лейтенанта Дорна и лихого комендора

Ночной сон на верхней палубе. Лето 1915 г.

Жолноркевича. Выброшенный из патронов бездымный порох, раскинутый по всему полубаку, вспыхивал то там, то здесь желтыми огоньками. Тяжело раненный Зиндеев отказался идти на перевязочный пункт.

У камбуза образовалась целая гора из убитых и раненых полузадохшихся людей. В туловище одного из убитых была вкраплена большая медная гильза шестидюймового патрона, которую он обнял последним судорожным объятием.

В боевой рубке между тем шло энергичное управление огнем и ходом. Здесь находились командир крейсера капитан I ранга Е.Р.Егорьев и старшие специалисты... Снаряд 75-миллиметрового калибра, пролетевший с правого борта, разорвался о железный ходовой трап переднего мостика рядом с рубкой. Трап разбило вдребезги, а осколки его через небольшое отверстие ходовой рубки попали

внутри. Один из осколков пронизал насквозь голову командира. Все были переранены, у всех на белых кителях пятнами выступила кровь».

Если личный состав «верхней» команды был не только непосредственным участником боя, но и видел все происходившее вокруг собственными глазами, то в машинных и котельных отделениях была совсем другая обстановка. Отрезанные от внешнего мира наглухо задраенной броневой палубой, люди могли только догадываться о том, что происходило с кораблем и вокруг него.

Глухо доносились выстрелы. Часто были слышны удары в борт снарядов и осколков, последние напоминали выстрелы дробью. Не хватало воды, а жара казалась невыносимой, воздух был очень «худой, сизый».

Читать эти строки трудно, но автор сознательно выбрал несколько тяжелых моментов

боя. Жаль, что этот героизм, эта преданность долгу, проявленные русскими моряками, оказались вскоре забыты. На первое место в советской истории вышел эпизод, достоверность которого и сейчас подвергается сомнениям. Но об этом чуть позже. А пока еще несколько слов о дореволюционном прошлом крейсера.

Из Манилы, куда крейсер был интернирован, «Аврора» вышла 15 октября 1905 года, кое-как залатав пробоины, и 19 февраля 1906 года крейсер стал на якорь в порту Ливавы, откуда начал свой героический путь.

После серьезного ремонта на Балтийском заводе «Аврора» в составе отряда крейсеров, куда входили «Диана» и «Богатырь», в октябре 1909 года отправилась в Средиземное море. На «Авроре» проходили практику гардемарины и ученики школ строевых унтер-офицеров. Вернувшись в апреле 1910 года в

На мостике крейсера «Аврора» во время одного из первых выходов в море в 1923 г. Слева направо: Комиссар ВМУ А.Л.Доброзяков, Начальник ВМУ Е.Ф.Винтер, флагманский штурман Балтийского моря Н.А.Сакеллари, начальник Морских сил Балтийского моря М.В.Викторов, командир «Авроры» Л.А.Поленов, член РВС Морских сил Балтийского моря П.И.Курков

Командир крейсера «Аврора» Л.А.Поленов (справа). 1923–1924 гг.

Петербург, «Аврора» в ноябре того же года снова ушла в Средиземное море с юными моряками, которые вскоре попали в пекло Второй Отечественной войны (так называли в то время Первую мировую).

Потом было плавание в Сиам для участия в коронации сиамского короля. Это была та самая морская прогулка, которую герой популярного сериала называл «лучшим лекарством для англичанина».

Война на Балтике началась в 1914 году минными постановками. Война на море носила позиционный характер, отмеченный тем не менее жестокими стычками русских и германских кораблей. Именно «Аврора» тогда под проводкой уникального штурмана и талантливого художника В.И.Лепко освоила плавание шхерными фарватерами от Гельсингфорса (Хельсинки) до Ботнического пролива.

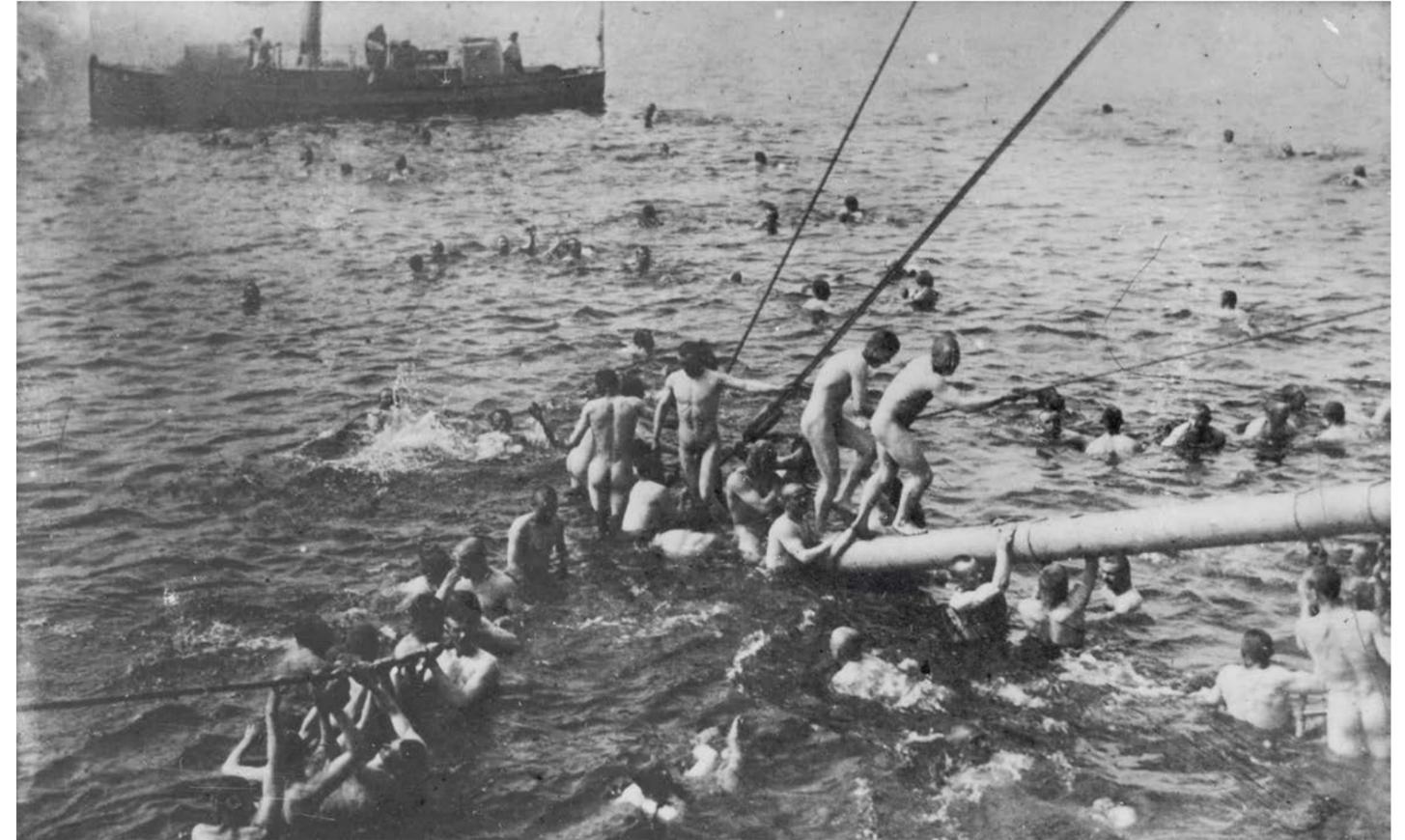
Когда наступил 1917 год, на «Авроре»,

как и почти на всех кораблях Балтийского флота, в рядах матросов началось брожение. В результате моряки стали едва ли не главной силой Октябрьского переворота.

В 1958 году бывший член Центробалта (Центрального комитета Балтийского флота) и матрос линкора «Республика» (до февраля 1917 года носившего имя «Император Павел I») Н.А.Ховрин написал воспоминания, которые полностью опубликованы не были. Очевидец событий 1917 года писал: «Так называемые писатели сочиняют разные небывлицы, а их книжечки издаются в сотнях тысяч экземпляров, и никто ничего не говорит. Забыта работа партии в Балтийском флоте, забыты борьба и дела революционных матросов, холостой выстрел «Авроры» превратился в... залп. А на деле все, что писалось и пишется об «Авроре» и матросе в пулеметных лентах, является от начала и до конца искаже-

нием действительной истории». Некоторые матросы действительно навешивали на себя пулеметные ленты — для «форсу». В абсолютном же большинстве они не были настолько глупыми: и винтовку заряжать неудобно, и не у каждого же был свой пулемет.

В середине октября 1917 года ремонт некоторых механизмов «Авроры» был закончен. Крейсер, находившийся у стен Адмиралтейского завода, готовился к выходу на испытания. Командовал крейсером лейтенант Н.А.Эриксон. Старшим офицером был избран старший артиллерийский офицер лейтенант Б.Ф.Винтер. 24 октября судовой комитет «Авроры» получил предписание Петроградского Совета прислать в Смольный двух представителей. Один из них, машинист 1-й статьи А.В.Бельшев, возвратился на крейсер с мандатом комиссара ВРК (Военно-революционного комитета), подписанным Н.И.Подвойским. Крейсеру была поставлена конкретная задача — свести Николаевский мост, разведенный накануне юнкерами. Бельшев сообщил об этом Эриксону, который оказался в весьма затруднительном положении. Крейсер не подчинился ВРК, а распоряжений от морского командования на переход к Николаевскому мосту Эриксон не получал. С другой стороны, отказ от этого похода был чреват возможной расправой над офицерами

Купание команды в открытом море. 1912–1914 гг.

Старший вестовой кают-компании А.Г.Рассказов. 1910-е гг.

со стороны экстремистски настроенной части команды. Эриксон прекрасно помнил убийство в феврале 1917 года командира «Авроры» капитана I ранга М.И.Никольского. Тем не ме-

нее Эриксон отказался переводить крейсер к Николаевскому мосту. Он мотивировал свой отказ тем, что за время продолжительной стоянки крейсера глубины в районе корабля из-за речных наносов могли существенно измениться.

После этого разговора с командиром Бельшевым вышел из командирского салона и вскоре вернулся с двумя вооруженными матросами, которым громко приказал: «Никого в салон не пускать! — Затем, обращаясь к Винтеру, добавил: — Во избежание эксцессов я вынужден поставить здесь часовых, так как не ручаюсь за команду, когда она узнает об отказе командира».

Однако Бельшев разделял опасения командира и поручил боцманмату С.П.Захарову произвести замер глубин в районе стоянки. Выяснив, что глубины позволяют крейсеру отойти от заводской стены, Бельшев вторич-

но обратился к Эриксону. Команда решила вести крейсер самостоятельно, но Бельшев опасался, что в неумелых руках крейсер может получить серьезные повреждения. Этот довод заставил Эриксона изменить свое первоначальное решение.

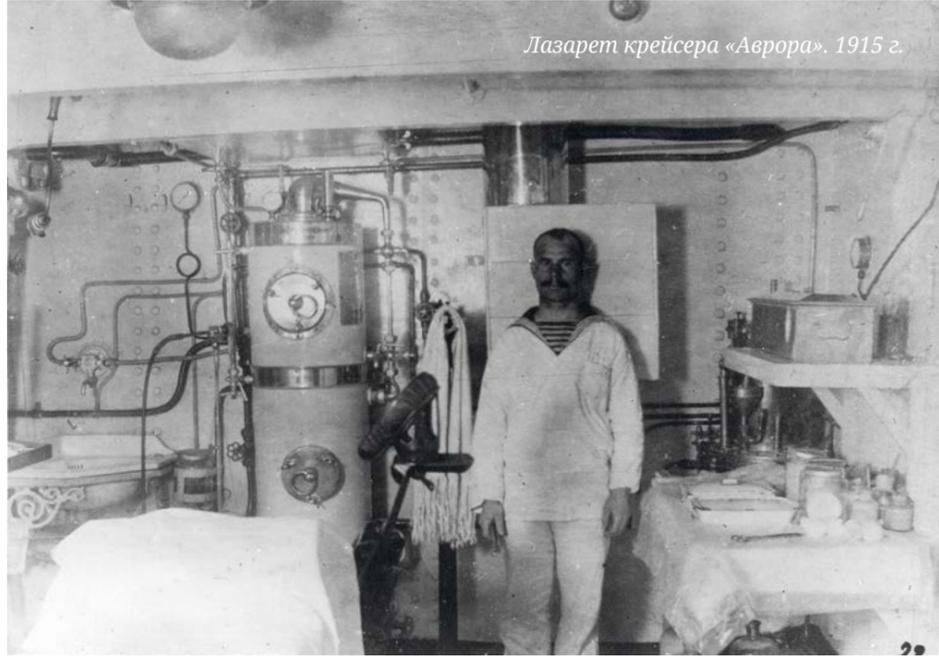
После того как отдели, образованные под кормой течением реки, были размыты работающими винтами, крейсер благополучно перешел к Николаевскому мосту, встав на якорь примерно в 470 метрах ниже по течению. При виде крейсера юнкера, охранявшие мост, отступили. Высадившиеся на берег корабельные электрики свели мост.

Днем на «Авроре» побывал В.А.Антонов-Овсеенко. Он уточнил задачи корабля и условился о том, «что по сигнальному выстрелу Петропавловки «Аврора» даст пару холостых выстрелов из шестидюймовки».

В 19.00 Временному правительству был предъявлен ультиматум о сдаче. После его отклонения были произведены выстрелы с Петропавловки и один холостой выстрел с «Авроры». Начался пулеметный и винтовочный обстрел Зимнего дворца, который продол-

жался 10–15 минут. В итоге часть защитников Зимнего сдалась, остальным был вновь предъявлен ультиматум. На их отказ сдаться был открыт огонь из 3-дюймовых полевых пушек, который окончательно деморализовал обороняющихся. Отряды ВРК практически беспрепятственно проникли во дворец и арестовали министров Временного правительства. Антонов-Овсенко вспоминал: «Наши потери при захвате Зимнего были невелики — пять матросов и один солдат убиты; много легкораненых; на стороне защитников правительства никто сколько-нибудь серьезно не пострадал».

Через несколько дней по Петрограду был распушен слух, что орудия «Авроры» обстреливали Зимний дворец боевыми снарядами. Бельшеву пришлось писать письмо в газету «Правда», которое было опубликовано 27 октября. «Печать пишет, что «Аврора» открыла огонь по Зимнему дворцу, но знают ли господа репортеры, что открытый нами огонь из пушек не оставил бы камня на камне не только от Зимнего дворца, но и от прилегающих к нему улиц? <...> был произведен только один холостой выстрел из 6-дюймового орудия, обозначавший сигнал для всех судов, стоящих на Неве, и призывающий их к бдительности и готовности». Однако советской пропаганде был нужен яркий образ, символ. Именно эту символическую роль и сыграл холостой выстрел «Авроры», «возвестивший о начале новой эры». И быть бы «Авроре» переплавленной на иголки, если бы не этот выстрел...

Лазарет крейсера «Аврора». 1915 г.

Но прежде чем стать «флагманом революции», пришлось крейсеру и пройти восстановительные ремонты, и ходить в дальние походы, и участвовать в обороне Ленинграда. В 1944 году адмирал флота И.С.Исаков написал всесильному члену Политбюро А.А.Жданову письмо с предложением «сделать «Аврору» музеем-памятником, навечно связанным с Ленинградом, Октябрьской революцией и обороной Ленинграда». Именно связь с революцией сыграла решающую роль в судьбе крейсера. Первоначально «Аврора» находи-

лась в распоряжении Нахимовского училища, но в 1960 году крейсер был включен в число памятников, охраняемых государством, а вскоре стал филиалом Центрального военно-морского музея.

И все бы ничего, но к концу 1970-х годов стало ясно, что корпус крейсера нуждается в серьезном капитальном ремонте. 80 лет непрерывного пребывания в воде, дальние походы, участие в боевых действиях не прошли даром для металлической обшивки. В 1980 году была создана высокая комиссия, которая осуществляла разработку проекта реконструкции крейсера. Рассматривалось несколько вариантов, в том числе постановка корабля на бетонную подушку. Именно так были законсервированы в Японии флагманский корабль адмирала Х.Того «Микаса», а также буксиры Ладужской Военной флотилии в Новой Ладоге — зрелище для моряка грустное.

В конце концов было принято решение, которое вызвало у части журналистов неадекватную реакцию. Нашлись «смелые» и громкие голоса на телевидении, прокричавшие на всю страну: ««Аврора» — ненастоящая!». В то время всеобщего обливания грязью всех и вся никто и не удивился. Все было плохо, а значит, и с «Авророй» не все в порядке. Не мог не откликнуться на это и известный поэт Е.Евтушенко, написавший что-то о распродаже святынь.

Разумеется, в том количестве клубившегося дыма было немного и огня. При реконструкции крейсера были допущены некоторые ошибки исторического плана, небольшая часть деталей, в основном крепежных, выполненных из цветного металла, была распродана на сувениры. Но было сделано главное — корабль был сохранен.

К сожалению, люди, кричавшие о том, что «Аврора» ненастоящая, мало что понимали в технике. Дело в том, что боевой корабль — этот сложнейший организм, предназначенный для морского боя, и имеет весьма ограниченный срок службы, определяемый целым комплексом факторов. Это и агрессивная среда (морская вода), и широкий температурный диапазон — от зимовок в затаянтом льдом Гельсингфорсе до плавания в тропических широтах, и, наконец, повреждения, наносимые вражескими снарядами. Следуя логике «крикунов», «Аврора» потеряла часть своей «подлинности» во время первого ремонта после Цусимского сражения, то есть уже через три года после ввода крейсера в эксплуатацию. Впоследствии корабль также неоднократно ремонтировался: в 1908 году, в 1916–1917-м, в 1922–1923-м годах, в 1944–1948-м.

Прежде чем превратиться в музей, «Авроре» пришлось пройти капитальный ремонт, во время которого для подводной части корпуса корабля была сделана водонепроницаемая «рубашка» из бетона. В 1946 году нижняя часть корпуса «Авроры» находилась в таком состоянии, что уже тогда можно было говорить о ее полной замене. Но тогда приняли другое, более простое и экономически оправданное для послевоенного времени решение — днищевую часть залили изнутри бетоном. Дело в том, что в конце 1940-х годов в воздухе витала смелая идея изготавливать суда не из металла, а из бетона. Одновременно с ремонтными работами «Аврору» «гримировали» под крейсер «Варяг» для съемок фильма на Восточном Кронштадтском рейде. Съемки

закончились осенью 1946 года, после чего «Аврора» снова оказалась беззащитной перед разрушительной силой времени.

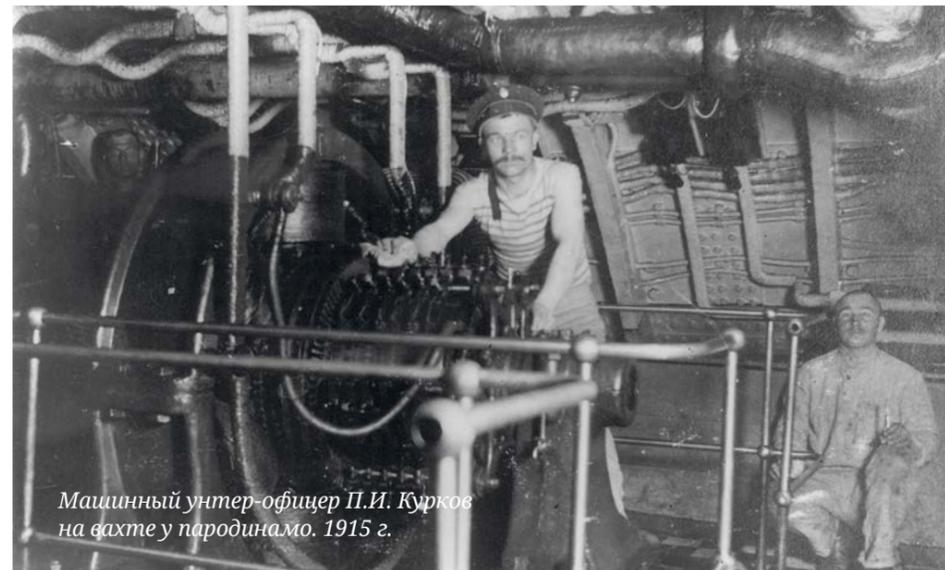
Стальной корпус крейсера был обшит деревом и медными листами. В свое время это было сделано для того, чтобы предохранить корпус от обрастания моллюсками и водорослями. Но поскольку медь агрессивна к стали в морской воде, их соседство способствовало более быстрому развитию коррозии.

К 1984 году единственным способом спасти крейсер являлась замена старого корпуса по ватерлинию новым, изготовленным по старым чертежам. Однако и противников реконструкции было немало. Были и те, кто считал, что проводить надо не реконструкцию, а реставрацию. Когда в 1984 году «Аврору» поставили в док «Северной верфи» (тогда еще завода им. Жданова), глазам специалистов предстала удручающая картина: кницы пробивались ударом кулака, причем для этого отнюдь не требовалось мастерство каратиста. Металла почти не было — он был сплошь съеден ржавчиной. И это подтвердило правильность принятого решения. Летом 1987 года «Аврора» снова встала на место своей вечной стоянки.

В 1997 году капитан I ранга Л.Л.Поленов, сын последнего командира «Авроры» (как боевого корабля) писал: «...а что бы произошло, если бы сторонники «истинной» реставрации одержали бы весной 1987 года верх? Маловероятно, чтобы такая длительная, трудоемкая, скрупулезная работа, требующая немалых денежных затрат, была бы в то время завершена. В перестроечное время денег не было даже на строительство и ремонт боевых кораблей. А учитывая то, что находятся люди, которые видят в «Авроре» не памятник отечественного кораблестроения, не ветерана русского флота, а роковой символ Октябрьского переворота, вряд ли бы они поддержали выделение средств для завершения работ».

И еще. Когда в 1944 году советские войска заняли Куоккалу, где жил И.Е.Репин, то обнаружили, что от его дома остались только печные трубы. Усадьба Репина «Пенаты» была отстроена заново, стала «ненастоящей», но не стали от этого меньше любить Илью Ефимовича.

Все-таки кому-то «Аврора» мешает. Убрать с корабля экипаж — это предательство. Корабль и его экипаж — это одно целое. И мы надеемся, что экипаж вернется... ❏

Машинный унтер-офицер П.И. Курков на шахте у пародинамо. 1915 г.

Демонтаж носовой секции надводной части. 1985 г.